

ГЛАВА СОТАЯ,

в которой рассказывается о том, как путники кратчайшим путем вернулись в восточные земли и как все пятеро обрели истинное прозрение

Мы пока не будем рассказывать вам о том, как четверо монахов, следуя за духами — хранителями Будды, поднялись на воздух, воспользовавшись порывом ветра.

Обратимся к жителям селения Чэньцзячжуан, которые находились в монастыре Спасение жизни. Как только рассвело, они поднялись, начали чистить плоды и готовить закуски. Но когда они вошли в нижний ярус башни, то оказалось, что Танского монаха нет: он куда-то исчез. Сразу же начались расспросы и поиски. Все пришли в ужасное смятение, и никто не знал, что делать. Послышались громкие вопли и горестные стенания. «Как же это мы упустили живого Будду?», — вопили все. Но делать было нечего. Пришлось яства и подарки перенести на верхний ярус, где были устроены жертвоприношения и сжигались жертвенные деньги и разные предметы, искусно сделанные из бумаги. С той поры и повелось ежегодно устраивать четыре больших и двадцать четыре малых жертвоприношения в честь наших путников. Сюда стекались из разных мест болящие и скорбящие, стремящиеся обзавестись семьей и дающие обеты безбрачия; жаждущие богатства и желающие иметь детей. Даже теперь, в любое время дня и ночи, здесь воскуривают фимиам и приносят жертвы. Вот уж поистине:

С тех пор в курильнице золотой,

Струя священный аромат,

И дни и ночи напролет

Куренья дивные горят.

С тех пор в святом монастыре

Уже десятки тысяч лет

Не меркнет яшмовых лампад

Переливающийся свет.

Со вторым порывом благоуханного ветра восемь духов — хранителей Будды доставили монахов в пределы восточных земель менее чем в один день. И вот постепенно стали вырисовываться очертания города Чанъань.

Следует сказать, что император Тай-цзун, с того дня как проводил Танского монаха в его далекое путешествие, а это было за три дня до полнолуния девятой луны тринадцатого года его правления, названного Чжэн-гуань, дал распоряжение, что-бы за западной заставой города, называвшейся Сиань, под наблюдением начальника ведомства строительных работ была бы выстроена особая башня с вышкой. Ее выстроили в шестнадцатом году той же эры правления и назвали «Башня для ожидания священных книг». Император Тай-цзун каждый год собственной персоной посещал эту башню. И надо же было случиться, чтобы именно в тот день, когда монахи возвращались, он прибыл сюда и поднялся на вышку, причем сразу же заметил, что на

западе небо покрылось необычными благовещими облаками, а западный ветер доносит приятное благоухание. Хранители Будды задержали полет облака и возвестили:

— Праведный монах! Вот город Чанъань. На землю мы не будем спускаться; люди здесь очень любопытны, как бы они не разглядели нас и не разболтали всем, каков наш облик. Великому Мудрецу Сунь У-куну и остальным твоим ученикам, пожалуй, тоже не следует идти за тобой. Ступай один, доложи своему владыке, что священные книги доставлены, и тотчас же возвращайся. Мы будем ждать тебя на небесах у берегов Небесной реки и отправимся с тобой вместе к Будде доложить о выполнении его повеления.

— Достопочтенные духи — хранители Будды, — молвил в ответ Сунь У-кун, — ваш совет хоть и мудрый, но, посудите сами, как сможет наш наставник один донести такую кипу книг? Да еще вести на поводу коня! Нет! Нам придется сопровождать его. Попрошу вас немного обождать нас здесь. Поверьте, что я не осмелюсь вас обмануть.

Но хранители Будды все же усомнились.

— Несколько дней тому назад, — сказал один из них, — Гуаньинь сообщила Будде Татагате, что ваш путь туда и обратно должен занять всего лишь восемь дней. Тогда и завершится сокровенное число, предопределенное судьбой. Ныне уже прошло более четырех дней. Боюсь, что Чжу Ба-цзе, падкий до еды и алчный до богатства и знатности, нарушит срок, и мы опоздаем.

Чжу Ба-цзе засмеялся.

— Мой наставник уже стал Буддой, и я тоже надеюсь стать им, — сказал он. — Зачем же вы подозреваете меня в алчности и честолюбии? Так могут говорить весьма нахальные люди! Ждите меня здесь, я отнесу священные книги и сейчас же вернусь, чтобы отправиться обратно вместе с вами.

С этими словами Чжу Ба-цзе поднял коромысло, Ша-сэн взял поводья, Сунь У-кун повел праведного монаха, и все они сошли на землю у самой башни.

Император Тай-цзун и вся его свита, увидев Сюань-цзана, поспешно сошли с вышки и встретили его у входа.

— Поздравляю тебя с возвращением, мой меньшей брат! — воскликнул Танский император, выступив вперед.

Сюань-цзан сразу же повалился ему в ноги и начал кланяться. Тай-цзун поднял его и спросил:

— А кто эти трое?

— Это — мои ученики, которые сопровождали меня в пути, — ответил Танский монах.

Император Тай-цзун очень обрадовался и приказал своим придворным:

— Приготовьте мне колесницу и оседлайте коня! Предложите моему младшему брату, праведному монаху, сесть верхом и отправиться со мною вместе во дворец!

Танский монах поблагодарил государя за милость и сел верхом на его коня. Великий Мудрец Сунь У-кун, следуя за конем, стал вращать колесом свой железный посох с золотыми ободками, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн повели коня, навьюченного священными книгами, и понесли коромысла с поклажей. Так все вместе, следуя за царским поездом, они вступили в столицу Чанъань.

Вот какие стихи сложены в честь этого события:

В тот дальний год счастливого правленья

Был во дворце великолепный пир,

Царил в стране порядок безмятежный,

Царил в сердцах ненарушимый мир.

И все, кто собрались на этот праздник —

Гражданские, военные чины —

Осанкой величавой поражали,

И мудрости и доблести полны.

Тем временем в священных облаченьях,

Сойдясь толпою возле входа в храм,

Монахи на площадке для молебствий

Молились всемогущим небесам.

А в изукрашенном дворцовом зале,

Что полон колокольцев золотых,

Слал император подданного к Будде

За полным сводом книг его святых.

И грамоту дорожную, чей свиток

Был алыми печатями скреплен,

Монаху царства Танов Сюань-цзану
Пожаловал собственноручно он.
В пяти строках той грамоты дорожной
Изложена была и цель и суть.
За книгами священными на запад
Отправлен был монах в далекий путь.
С тех пор, терпя жестокие лишения,
Изведав и страдания и страх, —
Повсюду злых мар уничтожая,
В заветный край с друзьями шел монах.
И вот, свершив свой подвиг небывалый,
На радость всем, сегодня поутру,
Они вернулись в светлую столицу,
Явились к государеву двору.

Продолжая следовать за царским поездом, Танский наставник и его путники прибыли во дворец. Во всем городе не было ни одного жителя, который не знал бы о прибытии праведника со священными книгами.

Монахи разного сана и звания из монастыря Великое счастье, того самого, в котором долгое время пребывал в прошлом Танский наставник Сюань-цзан, когда находился в Чанъани, заметили, что макушки нескольких больших сосен одна за другой начали поворачиваться к востоку. Испуганные и изумленные, они говорили друг другу:

— Вот чудеса! Ну и чудеса! С чего же это макушки этих сосен вдруг повернулись? Ведь ночью, кажется, вовсе не было ветра!

Среди монахов находился один из прежних учеников Сюань-цзана, который сразу же сообразил, в чем дело.

— Живо несите сюда парадные одежды! — велел он послушникам. — Прибыл мой наставник со священными книгами.

Монахи обступили его со всех сторон и стали допытываться:

— Откуда ты знаешь? — спрашивали они.

— В том году, когда наставник отправлялся в свое далекое путешествие, он сказал так: «Пройдет три года, а то и пять лет, может быть даже шесть или семь лет, после того, как я покину вас, но вы поглядывайте на вершины этих сосен и, если увидите, что они повернулись к востоку, знайте, что я вернулся». Уста моего наставника, как уста Будды, изрекают только вещие слова. Вот почему я и знаю, что он вернулся.

Монахи поспешно облачились в парадные одежды и вышли.

Когда они подходили к западной части города, им уже передали радостную весть.

— Только что прибыл тот, кто ходил за священными книгами, — говорили люди. — Государь наш, десять тысяч лет ему здравствовать, встретил его и повез к себе во дворец!

От этих слов монахи еще больше разволновались и побежали со всех ног. Им все же удалось встретить наставника, но, завидев царский поезд, они не посмели приблизиться к Сюань-цзану и, примкнув к шествию в самом хвосте, сопровождали его до дворцовых ворот. Танский наставник слез с коня и вместе со всеми вошел в императорский двор. У яшмовых ступеней, ведущих в дворцовую палату, он остановился вместе с Сунь У-куном, Чжу Ба-цзе и Ша-сэном. Ша-сэн подвел коня-дракона, священные книги сложили у самого входа. Император Тай-цзун передал повеление Танскому монаху явиться к трону, как полагается младшему брату императора, и пожаловал ему право сидеть в своем присутствии. Вновь поблагодарив за оказанную милость, Танский наставник уселся и велел внести священные книги. Ученики его стали доставать книги из узлов и передавать придворным служителям, которые подносили их государю.

— Сколько же всего священных книг ты принес? — спросил государь. — Расскажи, как тебе удалось их достать?

— По прибытии к чудесной горе Линшань, — начал Танский наставник, — я, твой покорный слуга и смиренный монах, удостоился лицезреть самого Будду. Он велел своим двум досточтимым ученикам, Ананде и Кашьяпе прежде всего угостить нас трапезой в Жемчужном тереме. После этого нас повели в Драгоценную палату и передали нам книги. Досточтимые ученики Будды потребовали у нас дары, но у нас ничего не было. Поблагодарив Будду за его милость, мы двинулись в обратный путь. Вдруг налетел злой вихрь и вырвал у нас все книги. К счастью, мои спутники-ученики кое-что смыслят в магии. Они пустились вдогонку за книгами и нашли их разбросанными и растрепанными. К тому же оказалось, что в них нет ни одного письменного знака и все они состоят из одних чистых листов бумаги. Мы ужаснулись и вновь отправились на поклон к Будде. Мы пожаловались ему и умоляли его помочь беде. Будда сказал: «Когда были написаны священные книги, некий премудрый монах-бикшу снес их с горы вниз, в страну Шравасты, прочел старейшине Чжао, после чего всем живым в его роду было даровано спокойствие и благополучие, а мертвым — освобождение от перерождения. За все это монах-бикшу потребовал всего лишь три доу и три шэна золота в крупицах. Однако мне, — сказал Будда, — показалось, что монах продешевил и что детям его и внукам не хватит денег». Тогда мы поняли, что Будде было известно о том, что его досточтимые ученики

потребовали у нас дары, и нам пришлось преподнести им патру из червонного золота, которую ты, государь, соизволил пожаловать мне. Только после этого мы получили настоящие священные книги с письменами. Этих книг всего тридцать пять. От каждой из них было отобрано по несколько тетрадей, всего пять тысяч сорок восемь тетрадей. Это число соответствует одному из трех сводов священных книг.

Император Тай-цзун еще больше обрадовался.

— Повелеваю стольничьему приказу устроить пир в восточном приделе дворца, — сказал он, — чтобы возблагодарить монахов за все!

Бросив невзначай взгляд на троих учеников Танского монаха, стоявших внизу тронной лестницы, государь поразился их необычному виду.

— А твои ученики и в самом деле чужеземцы? — удивленно спросил он.

Смиренно склонившись чуть ли не до земли, Танский наставник начал пояснять:

— Моего старшего ученика зовут по фамилии Сунь, а монашеское его имя У-кун. Иногда я зову его по прозвищу — «Странник». Он родом из страны Аолайго, расположенной на восточном материке Дуншэньчжоу, владетель пещеры Водного занавеса на горе Цветов и плодов. Пятьсот лет тому назад он учинил великое буйство в небесных чертогах, за что Будда наказал его, придавив огромной каменной глыбой на горе Усиншань в западных краях. Бодисатва Гуаньинь склонила его к добру, и он изъявил желание принять учение Будды. Проходя те места, я выручил его и взял в ученики и спутники. В пути он охранял меня, и я многим обязан ему. Фамилия моего второго ученика Чжу, монашеское имя — У-нэн. Я зову его по прозвищу Чжу Ба-цзе. Он владетель пещеры Юньчжань на горе Фулин. В свое время он набедокурил в селении Гаолаочжуан. Но бодисатва и его склонила к добру, и я принял его к себе в ученики. Всю дорогу он нес тяжелую поклажу, не щадя своих сил, совершил также много подвигов при переправах через реки. Моего третьего ученика зовут по фамилии Ша, монашеское имя — У-цзин. Я же зову его просто монах Ша. Он родом из тех мест, где протекает река под названием река Сыпучих песков. Он тоже творил зло, но бодисатва уговорила его склониться к добру, он воспринял учение Будды и сделался шраманом-подвижником. Что же касается коня, то он уже не тот, которого ты, государь, соизволил подарить мне.

— Как не тот? — удивился государь. — По масти он совершенно такой же.

— Когда я переправлялся через горный поток Инчоуцзянь у горы Шэпаньшань, того коня проглотил этот конь. Спасибо Сунь У-куну за то, что он обратился к бодисатве и узнал о происхождении этого коня, — оказалось, что он приходится сыном царю драконов Западного моря. За какую-то провинность он был наказан. Бодисатва освободила его от наказания и велела служить мне. Вот тогда он и был превращен в коня такой же масти. Благодаря ему я переправлялся через горные хребты, взбирался на горные кручи, проезжал по узким извилистым тропам над пропастями. Туда я ехал на нем верхом, а обратно он вез священные книги, так что я и ему многим обязан.

Император Тай-цзун выслушал Танского наставника, долго хвалил его учеников, а затем спросил:

— Как же далек путь на Запад?

— Насколько я помню, — отвечал Танский наставник, — по словам бодисатвы, отсюда до обители Будды сто восемь тысяч ли. В пути, однако, я не вел счет и знаю только, что за все время странствования зимняя стужа и летний зной сменялись четырнадцать раз. Что ни день, то встречались все новые горы и кручи, леса густые-прегустые и реки широченные. Да еще прошли мы через много стран, правители которых проверяли нашу подорожную и ставили свои печати на ней.

Тут Сюань-цзан обратился к своим ученикам:

— Братья! Достаньте-ка подорожную — вручим ее государю.

Подорожная тотчас же была представлена. Там значилось: «Выдано в третий день до полнолуния девятой луны тринадцатого года эры Чжэн-гуань».

— Долгие труды и далекий путь! — с улыбкой воскликнул император Тай-цзун. — Ныне уже двадцать седьмой год этой эры, — добавил он.

На проходном свидетельстве красовались печати многих стран: страны Баосянго, страны Уцзиго, государства Цзюйчиго, женского царства Силянго, государства Цзисайго, государства Чжуцзыго, царства Нищенствующих монахов бикшу, страны, где искореняют учение Будды. Кроме того, были еще печати окружных городов: округа Бессмертного феникса, области Яшмового цветка и округа Золотой покой. Полюбовавшись на печати, Тай-цзун спрятал проходное свидетельство у себя.

Тем временем давно уже появились придворные служители и приближенные государя с приглашением пожаловать на пиршество. Государь сошел с трона и, держа за руку Танского монаха, пошел с ним вместе.

— Умеют ли достойно вести себя и соблюдать все приличия твои ученики? — спросил он.

— Мои недостойные ученики от природы оборотни, — сказал он, — жили они в глухих горах и просторных степях, не знают ни приличий, ни чинопочитания, принятых при дворе премудрых правителей Серединного цветущего государства. Всячески умоляю и прошу тебя, государь мой и повелитель, простить им эту вину.

— За это я не буду укорять их, — смеясь, ответил государь. — Не буду, — повторил он. — Пусть идут с нами вместе в восточный придел дворца на пиршество.

Сюань-цзан еще раз поблагодарил государя за оказанную милость, подозвал своих учеников, и они направились в восточный придел дворца, который начали с любопытством разглядывать. Вот уж поистине великое Серединное цветущее государство! Никакое другое царство не могло с ним сравниться. Здесь было все необыкновенно и удивительно. Вот послушайте:

На дверях пламенеют, расшиты цветами,
Занавески из шелка, яркие и пестры,
Напоен ароматами зал величавый,
И багряные пол устилают ковры.
Украшенья, столы в драгоценной посуде —
Все вокруг поражает своей новизной!
Вот янтарные кубки, хрустальные плошки,
Вот червонные блюда с каймою резной.
Вот, покрытые сетью зеленой эмали,
Золотою оправою вазы блестят,
Вот из яшмы, в узорах цветов прихотливых,
Белоснежные чашки расставлены в ряд.
Сколько здесь, на столах, угощений чудесных,
Приготовлено все и с умом и с душой:
Нежен запах у листьев цедрелы душистой,
Что положены в блюда с густою лапшой,
Сколько кушаний здесь из распаренной репы,
Ароматных приправ, дорогих соусов,
Сколько залитых сахаром спелых бататов,
Нежносладких грибов из далеких лесов!
Мякоть мальвы, обильно заправленной медом,
Так и тает во рту, и сладка и нежна,
Но не хуже и пенка бобового сыра,
Что с грибами древесными запечена.
Как сочны молодые побеги бамбука,

Их мочили в имбирном настое не раз,
И на диво прозрачна морская капуста, —
Но не в силах всего передать мой рассказ!
Поглядим на столы на узорных тарелках
Сколько блюд и диковинных и дорогих
Из сушеного папоротника и крахмала,
Из бесчисленных видов растений морских.
Вот закуски из редьки, посыпанной перцем,
И горчицей приправленный тыквенный ус,
Впрочем, это обычные, постные блюда,
Описанья не стоят ни вид их, ни вкус.
Но зато сколько редкостных лакомств и фруктов:
Груши с заячью голову величиной
И огромные вазы с плодами нефелий,
С драгоценным личжи и сушеной хурмой.
Вот плоды салисбурий из южных уездов,
Вот шаньдунский прославленный финик-жужуб,
Вот орехи и зерна бесчисленных видов —
В скорлупе и очищенные от скорлуп.
Вот каштаны — похожи на коконы шелка,
Зерна тиса съедобного в терпкой смоле,
Семя тыквы размером с цветы неньюфара,
Горы грецких орехов на каждом столе.
Вот кедровых орешков, лещинных орешков
Разноцветные груды на блюдах лежат,
Всех сортов те — каленые, эти — сырые,
Золотистые, крупные, как виноград.
Груды яблок и слив, апельсинов, оливок —

Все, что зреет в полях, и в лесу, и в саду.

Да, каких только здесь не найдешь угощения,

Выбирай что захочешь тут все на виду!

Ожидают гостей и медовые яства,

Дорогие масла, золотые сыры,

И такие отборные, редкие блюда,

Что лишь царственные украшают пиры.

Подают к ним, конечно, и чай ароматный,

И тончайшее, лучшее в мире вино,

Впрочем, всех угощений, прекрасных, обильных,

Перечислить немислимо здесь все равно.

Много разных чудес есть и в западных странах,

Но сегодня мы с гордостью произнесем:

Дивный край Серединной цветущей державы

От земель чужеземных отличен во всем!

Танский наставник со своими учениками, а также все гражданские и военные чины расположились рядами по правую и по левую сторону от государя Тай-цзуна, который восседал на главном месте в середине стола. В строгом и чинном порядке чередовались пение, пляски, музыка. Веселье продолжалось целый день.

Прекрасен пир у государя:

Счастливой вестью осиян,

Затмил он празднества былые

Царей великих Юй и Тан.

Недаром радостен владыка:

Сбылись предвестия светил,

И полный свод святых писаний

Он в это утро получил.

Из поколенья в поколенья

С того заветного числа
Передавать их будут люди,
Чтоб вечно Истина жила,
И мудрое сиянье Будды,
Его живая благодать
Жилище государя будут
Отныне вечно озарять.

К вечеру все стали расходиться, выражая благодарность за оказанную милость Император Тай-цзун вернулся к себе во дворец, а важные сановники разъехались по домам. Танский наставник со своими учениками отправился в прежний свой монастырь Великое счастье. Монахи встретили его земными поклонами. Не успел он войти в ворота, как его окружили.

— Отец ты наш, — хором заговорили монахи, — взгляни на верхушки этих сосен. Сегодня утром они вдруг повернулись на восток! Но мы помнили твои слова, а потому вышли за город встречать тебя. Вот ты и прибыл к нам!

Наставник был невыразимо рад и тут же направился к настоятелю Теперь Чжу Ба-цзе больше не кричал, чтобы ему подавали чай и еду, да и вообще не шумел. Сунь У-кун и Ша-сэн вели себя очень строго и сдержанно. Это произошло потому, что они завершили свой подвиг и обрели прозрение. Было уже поздно, когда все улеглись спать.

На следующий день император Тай-цзун вышел на утренний прием и обратился к своим верноподданным сановникам с такими словами:

— Думая о том подвиге, который совершил наш нареченный младший брат, мы все больше убеждаемся в его величии и мудрости и не находим ничего такого, чем можно было бы вознаградить его. Всю ночь, не смыкая глаз, мы подбирали самые изысканные слова, стремясь избежать подлых и грубых выражений, дабы хоть этим выразить нашу благодарность. Но мы не успели записать их. Пусть начальник письмоводитель подойдет ко мне! — приказал он. — Я буду говорить, а ты записывай слово в слово!

Вот что было записано:

«По всей вероятности всем известно, что оба близнеца — Небо и Земля, имеют свои явления, которыми показывают, что они поддерживают друг друга для сохранения жизни. Четыре времени года хотя и не имеют сами по себе никаких внешних образов, но зато таят в себе стужу и жару, коими совершают превращения в природе. Вот почему даже простые и недалекие люди, наблюдая за Небом и всматриваясь в Землю, могут уяснить порядок, который в них существует. Зато из мудрых и просвещенных людей редко кто может исчерпывающе определить заветные числа судьбы при выяснении сокровенных лунных сил природы — Инь и

светлых солнечных сил природы — Ян. Между тем Небо и Земля вмещают в себя эти силы Инь и Ян, в чем можно легко убедиться, ибо и они имеют свои явления; но исчерпывающе определить присутствие сил Инь и Ян на Небе и на Земле трудно потому, что у них нет видимого образа. Поэтому, зная явления, можно доказать по проявлению этих сил их присутствие, причем даже неразумные не будут в этом сомневаться; но поскольку внешний образ их скрыт и никто не видит его, то даже пребывающие в числе мудрых легко впадают в заблуждение. Тем более сказанное относится к учению Будды, поскольку в этом учении превозносятся призрачность существования и овладение полным покоем посредством уединения. Его учение настолько всеобъемлюще, что является пригодным для всех живых тварей, а его писанные правила ограждают все десять стран света. Духовное величие этого учения столь высоко, что нет ничего превыше, а священная сила так подавляет, что проникает вниз прениже всего. Если б можно было растянуть это учение словно ткань, то она обволокла бы всю вселенную, но если сжать его, то оно уместится в тончайшем волоске. Оно не погибает и не рождается, просуществует тысячи калп и не состарится. Оно то исчезает, то появляется, приносит с собой много счастья и продлевает настоящее время. В этом учении дивные пути Истины достигают непостижимого совершенства, и тем, кто следует этому учению, никогда не постичь их до конца, а тем, кто будет пытаться исчерпать их, никак не определить того источника, из которого, подобно потоку, течет учение Будды и увлекает за собой в пределы безмятежного покоя. Поэтому пусть те, кто познал неразумность своего глупого существования, ничтожество своей ограниченности, устремят к этому учению свои помыслы и желания, и тогда они смогут избавиться от всяких сомнений!

Из этого следует, что те, кто содействуют подъему великого учения, находят опору в западных землях. Пребывают в светлых сновидениях те, кто в свое время вознес Ханьский двор; источают милосердие те, кто озарял светом учения восточные земли. Во времена глубокой древности, когда еще только началось разделение образов и их теней, слова не успели появиться, как уже в них совершилось превращение.

Когда же наступил век постоянно видимого и постоянно невидимого, народ стал мечтать о добродетельности и научился повинению. Когда же люди стали достигать того, что тень от них исчезала и они становились праведниками, они переселялись в потусторонние миры, их золотые лики скрывали чувственные краски и не отражали трех тысяч лучей всех миров. У них начинали вырисовываться красивые лица, на оголенных местах конечностей тела появились особые приметы, числом восемь на четыре. И вот тогда проповедь о непостижимом стала широко распространяться повсюду и спасает даже пернатых и зверей от пагубных «трех путей»; заветы и наставления Будды проникают в самые отдаленные места и служат руководством для живых существ к восхождению по «десяти землям» духовной благодати. Есть у Будды священные книги, в которых учение его делится на две части: Большая колесница и Малая колесница. Больше того, у него есть и волшебные чары, которыми он пресекает распространение ложных учений и исправляет впавших в ересь. Главой всей школы учения Будды в нашей стране является наш законоучитель, монах Сюань-цзан. С детских лет он отличался осмотрительностью и сообразительностью, а потому давно уразумел назначение «трех пустых миров». Его прежде всего охватила мечта овладеть «четырьмя терпениями», долгое время он проводил в слиянии своих мыслей и желаний. Он достиг такой степени духовной чистоты и красоты, что для сравнения с ним уже оказались недостаточны ни сосна, ни ветер, ни вода, ни луна. Даже светлые жемчужины росы, которой питаются небожители, разве могут сравниться с ярким блеском его души! Потому он и проник разумом своим в сокровенные тайны, не связанные с мирскими узами, а духом соизмерил незримые образы. Он вознесся над всеми смертными, преодолев «шесть скверн» мирских. В течение долгих тысячелетий не будет никого, равного ему.

Свои думы он сосредоточил на том, что происходит у нас внутри страны, и горестно сокрушался упадку правоверного учения Будды. Он постоянно размышлял о «вратах сокровения» и печалился об искажении истинных писаний. Его заветное желание состояло в том, чтобы упорядочить эти писания, разбить их по статьям и широко распространить повсюду те знания, которые он почерпнул из них, преградить путь ереси и восстановить Истину, растить последующие поколения изучающих учение Будды. Вот почему он задумал отправиться в чистые земли райской обители Будды и совершил путешествие в Западные земли. Опираясь на свой посох, он один пустился в далекое и опасное путешествие. Бывало, что с утра снежный буран заметал всю дорогу, с вечера поднималась песчаная буря и застилала все небо, на десятки тысяч ли тянулись горы и реки, но он преодолевал все это и шел вперед сквозь мглу и туманы. Его не останавливали ни лютой холод, ни зной, он направлял свои стопы вперед, то шагая по заснеженным землям, то дрожа под проливным дождем. Вера помогала ему преодолевать усталость. По мере того как углублялись его стремления, в нем крепло желание достичь своей цели, Четырнадцать лет странствовал он по Западным странам, прошел многие чужеземные государства и везде спрашивал об истинном учении. Ему посчастливилось побывать в роще, где умер Будда, и испить воды, обладающей «восемью добродетельными качествами». Он любовался удивительными видами обители Будды на пике Кондор, на чудесной горе Линшань в Оленьем парке. Ему посчастливилось услышать прежних мудрецов и воспринять истинное учение у верховных провидцев. Он постиг пути, ведущие к вратам нирваны и великую тайну. В его сердце вселились три колесницы, звучание шести ладов. Слова из сотни коробов со связанными писаниями, словно рокот волн морских, звучат в его устах. Он прошел беспредельное число различных стран и добыл священные книги. Он достал важнейшие писания, излагающие учение Большой колесницы, всего тридцать пять книг, насчитывающих пять тысяч сорок восемь тетрадей. Они распространятся по всему Серединному цветущему государству и возвестят повсюду о победном завершении его подвига. Это он привлек облака милосердия с крайнего запада и пролил благодатный дождь истинного учения на земли восточной окраины. Это он восполнил изъяны в мудром учении Будды и благодаря ему прощены грехи народа и счастье вновь вернулось к людям. Это он увлажнил иссушающее пламя, бушующее в огненном доме, и выведет из него всех заблудших и страждущих в нем. Это он осветил светом учения Будды мутные волны «золотых вод» и помог людям переплыть на другой берег. Благодаря ему мы узнали, что грехи в прошлой жизни тянут вниз, а добро поднимает вверх. Таким образом, возвышение и падение зависит от самих людей. К примеру можно привести лавровое дерево, растущее на вершине высокого хребта. Там туманы и облака постоянно увлажняют росой его цветы. Или возьмем лотос, распустившийся в пруду, омытый рябью зеленых волн. Тучи пыли, гонимые ветром, никогда не смогут загрязнить его листья. Не подумайте, что лотос по природе своей настолько чист и что лавр сам по себе столь опрятен. Лишь благодаря тому, что опора, на которой растет лавр, находится высоко, никакие частицы, даже самые ничтожные, не могут прилипнуть к нему. В силу того что лотос растет в чистой воде, его не может коснуться никакая грязь. Ведь деревья и цветы не обладают знанием, но тем не менее достигают совершенства, поскольку опираются на доброе. Так не относится ли все это к людям, обладающим сознанием, которым судьба не дала счастья, но они хотят добиться его? Мы надеемся, что священные книги будут источать благодать так же нескончаемо, как светят солнце и луна. Да распространится возможно дальше великое счастье от них и пусть распространятся они по всей вселенной и существуют вечно».

Сановник слово в слово записал все, сказанное императором. После этого сразу же был вызван праведный монах Сюань-цзан, который в это время уже находился у входа в приемный зал и ждал случая войти, чтобы выразить свою благодарность. Как только он услышал, что его зовут, он тотчас вошел и совершил земной поклон, распростершись ниц. Император Тай-цзун

повелел, чтобы его попросили подняться на тронное возвышение, и передал ему написанное. Сюань-цзан прочитал и опять начал низко кланяться, выражая свою благодарность.

— Государь и повелитель мой! — восхищенно воскликнул он. — Какой прекрасный слог, он напоминает мне далекую древность! Какая глубина и изысканность в выражениях! Я не знаю только, как называется это произведение.

— Мы всю ночь слагали его, — отвечал император Тай-цзун, — с намерением выразить в нем благодарность тебе, меньшей брат наш. Назовем его: «Вступление к премудрому учению». Что ты скажешь на это?

Вместо ответа Сюань-цзан много раз стукнул головой об пол, непрерывно произнося слова благодарности.

Тогда Тай-цзун вновь заговорил:

— Мне стыдно, что я, не обладая ни талантами, которые можно было бы уподобить благородному нефриту моего скипетра, ни красноречием, равным по звучности колоколу и билу, составил это вступление. Что касается сокровенного смысла священного учения Будды, то таковой мне вовсе не известен. По правде говоря, придуманное мною вступление составлено весьма неискусно и грубо. Его можно уподобить кляксам, замаравшим золотые дощички драгоценных книг, или обломкам черепицы в роскошном саду. Размышляя над этим, я чувствую, как пылает мое лицо от жгучего стыда. Ты напрасно расточаешь мне свою благодарность.

В это время придворные все в один голос стали поздравлять государя с удачно написанным вступлением, совершили перед ним земные поклоны, после чего сочинение государя было обнародовано и распространено как во дворце, так и за его пределами.

— Меньшой брат наш, — обратился император к Сюань-цзану, — что ты скажешь, если я попрошу тебя прочесть нам вслух что-нибудь из священных книг?

— О повелитель и владыка! — отвечал Танский наставник. — Священные книги следует читать в подобающем месте. В твоём драгоценном дворце нельзя их читать.

Тай-цзуна очень обрадовал прямой ответ Сюань-цзана, и он тотчас же обратился с вопросом к одному из приближенных:

— Какой из монастырей города Чанъань самый чистый? Из рядов просвещенных мужей выступил вперед самый старший, по имени Сяо Юй.

— У нас в городе своей чистотой славится монастырь Яньта-сы, — сказал он.

Император Тай-цзун тотчас же распорядился:

— Пусть каждый из вас с благоговением возьмет по несколько тетрадей священных книг и вместе со мной отправится в этот монастырь. Мы попросим там нашего меньшого брата побеседовать с нами о священных книгах.

Придворные выполнили императорское повеление и, последовав за царским поездом, сложили книги на высоком помосте перед храмом.

— Ба-цзе и Ша-сэн! Взнуздайте коня-дракона и приведите в порядок дорожные узлы, — распорядился тем временем Танский наставник, — а ты, Сунь У-кун, будь около меня, — добавил он.

После этого он обратился к государю:

— О владыка и повелитель! Если ты хочешь, чтобы верные книги священного писания Будды распространились по всей Поднебесной, надо, чтобы с них сняли копии. Только тогда можно будет обнародовать их. А самые книги следует хранить как драгоценность, ни в коем случае нельзя обращаться с ними небрежно.

— Ты совершенно прав! Совершенно прав! — с улыбкой сказал Тай-цзун.

Он велел вызвать из палаты словесности, а также из приказа письмоводства всех чиновников-переписчиков и приказал им переписать священные книги.

Для этого была построена еще одна кумирня, в восточной части города, которую назвали Кумирня в честь милостивого императорского повеления.

С благоговением взяв обеими руками несколько тетрадей, Танский наставник взошел на помост и только хотел было приступить к чтению, как почувствовал веяние благоуханного ветра, обдувающего его со всех сторон. В воздухе ему явились восемь хранителей Будды, которые громко окликнули его.

— Положи священные книги и тетради, ты, собирающийся читать их! — приказали они. — Следуй за нами на Запад!..

Находившиеся внизу у помоста Сунь У-кун и остальные ученики Танского наставника, а также белый конь тут же, прямо с земли, поднялись на воздух. Танский наставник, оставив священные книги, тоже поднялся на воздух прямо с помоста и вознесся на девятое небо. Император Тай-цзун и его многочисленные придворные пришли в полное замешательство. Устремив взор к небу, они опустили на колени и стали совершать низкие поклоны.

Послушайте, как рассказано об этом в стихах.

Недаром праведный монах
Не пожалел трудов и сил.
Чтоб книги верные достать,
Он стойко горести сносил,
И то пешком, то на коне,
В одежды странника одет,
По землям западным плутал
Четырнадцать суровых лет.
Десятки гор, десятки рек
Скитальцу преграждали путь,
Пытались дьяволы не раз
Его решимость пошатнуть,
Но все упорней шел монах
К хранилищу священных книг —
Три тысячи миров прошел
И средоточья их достиг.
Так он свой подвиг завершил,
Познал спасенья вечный свет,
В своем скитании святом
Изведав восемьдесят бед,
Но, видно, было их число
Не до конца завершено:
К жестоким бедствиям его
Прибавилось еще одно.
Святые книги получив,
Постигнув тайны их вполне,
Домой отправился монах
И отдал их родной стране.

Он искру Истины принес,
А искра сделалась огнем,
И с благодарностью народ
Хранит предание о нем.

Кончив кланяться, император Тай-цзун избрал достойного монаха, чтобы он устроил в монастыре Яньтасы большие моления, на которых был бы прочтен весь свод священных книг ради избавления от адских мук и терзаний бесприютных душ. О том, как происходила переписка священных книг и как их распространили по всей Поднебесной, мы рассказывать не будем.

Вернемся к восьми хранителям Будды, которые увлекли за собой на благоуханном порыве ветра Танского наставника с его учениками и с белым конем обратно на чудесную гору Линшань. Путь в оба конца занял ровно восемь дней.

Когда восемь духов-хранителей с Танским наставником прибыли на гору Линшань, ее обитатели как раз собрались перед Буддой и слушали его проповеди. Восемь хранителей обратились к Будде Татагате с такими словами:

— Мы получили твое драгоценное повеление доставить праведного монаха и его спутников в Танское государство, чтобы они сдали священные книги. Ныне мы явились доложить о выполнении твоего повеления.

Вслед за этим они велели Танскому наставнику приблизиться и получить назначение на должность.

— Праведный монах, — молвил Будда Татагата, — в прошлой своей жизни ты был моим вторым учеником и носил имя Золотой кузнечик. Но так как ты не хотел слушать моих поучений и отнесся невнимательно к нашему великому учению, я понизил тебя и в наказание направил в восточные земли. Ныне, к моему великому удовольствию, ты обратился к истинному учению, строго соблюдаешь его, отправился за священными книгами и весьма отличился, совершив подвиг. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Будды Добродетельных заслуг сандалового дерева.

Затем Будда Татагата обратился к Великому Мудрецу — Царю обезьян.

— Сунь У-кун — молвил он. — В свое время ты учинил великое буйство в небесных чертогах, и я с помощью своих волшебных сил придавил тебя горой Усиншань. К счастью, небесная кара возымела действие, ты уверовал в учение Будды Сакья-муни. Я рад тому, что за все время путешествия ты боролся против зла и распространял добро, совершил много подвигов и покорял злых дьяволов-оборотней. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Победоносного Будды.

Чжу У-нэн! — продолжал Будда, обратившись к Чжу Ба-цзе. — Ты был когда-то духом Небесной реки, полководцем звезды Тяньпэн. Но за непристойность, допущенную тобой, когда ты захмелел на пиру в Персиковом саду и стал заигрывать с небесной красавицей, я наказал тебя, повелев спуститься на грешную землю и переродиться в скотину. Но ты не потерял человеческого облика и греховничал в пещере Юньчжань на горе Фулин. Однако я рад, что ты наконец вернулся к великому учению и вступил в число моих подвижников-шраманов. Ты охранял в пути праведного монаха, хотя не совсем еще отказался от прежних привычек и не изжил в себе сластолюбивые чувства. Зато ты отличился тем, что нес поклажу, в чем заключается твой подвиг. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Посланца очистителя жертвенников.

— Вот тебе и на! — пробурчал Чжу Ба-цзе. — Они все сделались Буддами, а меня почему-то приставили чистить жертвенники!

— Это за то, что ты был грубияном, лентяем и обжорой! — оборвал его Будда Татагата. — Помни о том, что на четырех материках вселенной очень много верующих буддистов, которые часто приносят жертвы, я дал тебе такое звание, которое должно быть лестным для тебя. Тебя будут звать все, поклоняющиеся Будде, чтобы ты приводил в порядок жертвенники, и тебе будет перепадать немало. Чем же плохо?

Ша У-цзин! — позвал Будда, обратившись к монаху Ша-сэну. — Ты носил звание полководца смотрителя Занавеса при Небесном дворе. Но на пиру в Персиковом саду ты разбил хрустальную плошку, и я наказал тебя, изгнав на грешную землю. Ты поселился на берегах реки Сыпучих песков и занимался там людоедством. Но, к счастью, ты раскаялся и обратился к моему учению, искренне соблюдая его, ты охранял праведного монаха и отличился тем, что вел коня при восхождениях на горы. За это я повышаю тебя в должности и жалую тебе звание Златотелого архата.

Затем Будда Татагата подозвал белого коня.

— Ты — сын царя драконов Гуан-цзиня в Западном море, — сказал он. — Ты ослушался своего отца, совершив, таким образом, проступок, нарушающий сыновнее почтение. Но, к счастью, ты уверовал в мое учение и стал подвижником-шраманом. Ежедневно ты вез на своей спине праведного монаха, совершавшего свое путешествие на Запад. Ты же повез на своей спине мои священные книги на восток, в чем и состоит твоя заслуга. За это я повышаю тебя в должности и назначаю повелителем всех драконов.

Все четверо, наставник и его ученики, низко поклонились Будде Татагате, стукнув лбом о землю, и поблагодарили за великую милость. Конь также поблагодарил Будду. Затем праведникам-подвижникам, постигшим учение Будды, было приказано отвести коня к пруду, в котором происходит превращение в драконов. Там они столкнули коня в воду. Тот мгновенно стал вытягиваться в длину, с него слезла вся шерсть, на голове выросли рога, и он весь покрылся золотой чешуей. Потом у него появились серебристые усы, от всего тела начал исходить благовонный аромат, а под четырьмя лапами за клубились благовещие облака. Он вылетел из пруда и обвился вокруг каменного столба с резными украшениями, подпирающего небо.

Все присутствующие Будды славили мудрость Будды Татагаты.

Тем временем Сунь У-кун обратился к Танскому наставнику с давнишней просьбой.

— Учитель! — сказал он. — Теперь уже я стал Буддой наравне с тобой, неужели я так и буду носить на голове золотой обруч, а ты будешь читать свое заклинание? Прочти лучше заклинание, которое позволило бы мне снять его и разбить вдребезги, чтобы никакие бодисатвы больше никогда ни на кого не надевали его.

— В свое время пришлось прибегнуть к этому обручу, так как иначе за тобой нельзя было уследить, — сказал Танский монах. — Теперь же ты сделался Буддой, и обруч этот больше не нужен. Ну-ка, потри себе голову.

Сунь У-кун обеими руками пощупал голову и убедился в том, что обруч исчез.

Вот и достигли наши путники истинного перерождения и получили высокие звания: Будды Сандалового дерева, Будды Победоносного, Посланца очистителя жертвенников и Златотелого архата. Конь стал повелителем всех драконов.

Есть стихи, в которых описаны все эти важные события:

Был на грешную землю

Мудрый праведник послан недаром:

Дух в борьбе закалил он,

Не поддался ни бедам, ни чарам.

На земле он сдружился

С четырьмя существами иными,

Вместе шли они к цели

И скитались путями земными.

А в пути рассуждали

Об известном и о неизвестном,

О пустотах и формах,

О земном бытии и небесном,

Но ни разу в беседах

Лживых оборотней не касались:

Имена их пустые
Недостойными слов им казались.
Все свершили герои,
Вознеслись над мирами печали
И, достигнув прозренья,
Лучезарными Буддами стали.
И за то, что в скитаньях
Свято истине верность хранили
И по всей Поднебесной
Слово Истины распространили,
Пять подвижников стойких
Наконец очутились у цели,
Милость неба снискали
И на вечном престоле воссели.

Все престарелые Будды прародители, бодисатвы, монахи-праведники, архаты, подвижники, познавшие ученье Будды, ни-щенствующие монахи-бикшу, набожные миряне-упаны и мирянки-упасики, духи гор и пещер, духи Лю-дин и Лю-цзя, духи времени, духи — хранители кумирен, местные духи и все преподобные праведники-отшельники подошли к Будде Татагате, когда он награждал новых пятерых праведников, после чего возвратились на свои места. Вот как выглядела обитель Будды в это время:

Горы Линшань могучая вершина
И острый Кондор — пик ее крутой —
Все разноцветным полымем покрылось,
Охвачено зарею золотой.
И благовещие пары сгустились
В громады лучезарных облаков,
Обитель Беспредельного Блаженства
Закутав в свой сияющий покров.
Незыблема божественная мудрость,

Все соблюдает здесь ее закон:
Беззлобен облик Яшмового Тигра,
Лежит спокойно Золотой Дракон.
Луаней синих, фениксов багряных
Летают дружно пары в небесах,
И ползают бесчисленные стаи
Тысячелетних змей и черепах.
Кружатся вороны, и скачут зайцы,
И круглый год свежи цветы полян,
Спокойно бродят белые олени,
Резвятся стаи черных обезьян.
Здесь вечно зелен древний можжевельник,
Густые сосны высятся вокруг,
Под сенью изумрудных кипарисов
Тихонько стройный зыблется бамбук.
Чуть расцветут — и сразу плодоносят
На той горе волшебные сады:
Сверкнут цветы на персиках и сливах
И тут же превращаются в плоды.
И все цветет, и все благоухает,
Как будто состязаясь в красоте,
И волны благодатного тумана
Всегда парят в бездонной высоте.

Все присутствующие молитвенно сложили руки ладонями вместе, дабы изъявить свою преданность учению Будды, и начали молиться:

— Слава тебе,

О верховный, самый древний Будда,

Никогда не меркнувший Светильник!

— Слава тебе,

Светлый Будда, Царь в Хрустальном блеске,

Мощный Врачеватель всех недугов!

— Слава тебе,

О всезрящий Будда дней прошедших,

Настоящих и грядущих дней!

— Слава тебе,

О мудрейший Будда Сакья-муни,

Будда чистой Радости и Света!

— Слава тебе,

О предвечный Будда, о Пилуши,

Царь под драгоценною хоругвью!

— Слава тебе,

О грядущий Будда, о Майтрея,

Долголетия Будда, Амитаба!

— Слава тебе,

О издревле властвующий Жизнью

И Неизмеримым Долголетьем!

— Слава тебе,

О правдивый, милосердный Будда,

О Ведущий к Истине Единой!

— Слава тебе,

О сверкающий, алмазный Будда,

Вечно и воистину нетленный!

— Слава тебе,

О чудесный, лучезарный Будда,

Льющий драгоценное Сиянье!

— Слава тебе,

О нетленный, непостижный Будда,

Всеми чтимый, дивный Князь драконов!

— Слава тебе,

О всеильный, милосердный Будда,

Преуспевший в совершенье блага!

— Слава тебе,

Непорочный, лунноликий Будда,

Будда драгоценного сиянья!

— Слава тебе,

О премудрый, безмятежный Будда,

О вовек не знавший неразумья!

— Слава тебе,

О могучий Будда, о Полюна,

О блаженный Будда Налоянь!

— Слава тебе,

Добродетельный и щедрый Будда,

Торжество блистательных заслуг!

— Слава тебе,

Несравненный Будда, наделенный

Даром добродетельных деяний!

— Слава тебе,

О всегда неутомимый Будда,

Любящий великие Скитанья!

— Слава тебе,

Неизменный Будда, озаренный

Пламенем сандалового дерева!

— Слава тебе,

О чистейший Будда Моничуан,

Мудрости неугасимый факел!

— Слава тебе,

Морю Добродетели безбрежной,

Яркой, как сияние светил!

— Слава тебе,

Бескорыстный Будда, осиянный

Пламенем Великого Добра!

— Слава тебе,

Благосклонный Будда, Царь вселенной,

Властвующий Силой Доброты!

— Слава тебе,

Чистый Будда, смелый Предводитель

Высшей Прозорливости и Блага!

— Слава тебе,

Будда Необъятного величья,

Неподкупной Строгости и Силы!

— Слава тебе,

Будда Животворного Сиянья

Золотого, вечного Цветка!

— Слава тебе,

Несравненно совершенный Будда,

Негасимый Светоч Дарований!

— Слава тебе,

Мудрый Будда, Непреклонный Разум

И Всепобеждающее Слово!

— Слава тебе,

Будда Золотого ореола,

Чистого Спокойствия миров!

— Слава тебе,

Будда — Царь Жемчужного Сиянья,

Властвующий Солнцем и Луной!

— Слава тебе,

Будда-царь, над миром возносящий

Разума победные хоругви!

— Слава тебе,

Благозвучный, сладкогласный Будда,

Будда Дивных Голосов и Звуков!

— Слава тебе,

Будда, пребывающий под сенью

Вечно пламенеющих хоругвий!

— Слава тебе,

Будда, наклоняющий светильник,

Чтобы созерцать свои миры!

— Слава тебе,

Венценосный Будда, Царь творенья,

Побеждающий своим ученьем!

— Слава тебе,

О блаженный, неизменный Будда,

Нам сияющий с горы Сумеру!

— Слава тебе,

Истинный, непогрешимый Будда,

Разума всеильного владыка!

— Слава тебе,

Будда ослепительно прекрасный,

Как сиянье золотого моря!

— Слава тебе,

О спасительный, нетленный Будда,

Блеск Всепроникающего Света!

— Слава тебе,

О сияющий, кристальный Будда,

Полный лучезарных дарований!

— Слава тебе,

Будда у Сандалового Древа,

Полный добродетельных заслуг!

— Слава тебе,

Будда, ратующий за победу

Своего бессмертного ученья!

— Слава тебе,

О, сияющая милосердьем

Гуаньинь — Авалокитешвара!

— Слава тебе,

Бодисатва справедливой силы

Обладатель безграничной мощи!

— Слава тебе,

О благословенный бодисатва,

Ведомый под именем Манчжутры!

— Слава тебе,

О высокочтимый бодисатва,

Что мудрей несчетных бодисатв!

— Слава и вам,

Бодисатвам всех великих, чистых

И неиссякаемых морей!

— Слава и вам,

Бодисатвам, что сбирались вместе

В день вселенского собора Будды,

У священных Лotosовых вод!

— Слава и вам,

Всем непогрешимым бодисатвам,
Западной обители достигшим
Высшего предельного блаженства!

— Слава и вам,

О три тысячи великомудрых,
Чистых бодисатв, проникших в тайны
Сокровенного ученья Будды!

— Слава и вам,

Пятистам великим и прекрасным,
Пламенным, как солнце, бодисатвам,
Мощным, ослепительным архатам!

— Слава и вам,

Всем подвижникам и правдолюбцам,
Полным святости монахам-бикшу,
Бодисатвам ранга Исайни!

— Слава и вам,

Вразумленным свыше бодисатвам,
Вам, столпам Единого ученья,
Беспредельной и безмерной Правды!

— Слава и вам,

Всем неисчислимым бодисатвам,
Всем хранителям ученья Будды,
Всем душою твердым, как алмаз!

— Слава тебе,

О неутомимый бодисатва,

О блистательный посланец неба,
Очиститель жертвенных сосудов!

— Слава тебе,

О неколебимый бодисатва,
Восемь драгоценностей хранящий,
Златотелый, преданный архат!

— Слава тебе,

О непобедимый бодисатва,
О хранитель, о Дракон небесный,
Неусыпный Страж Восьми чертогов!

О, в молитве названные Будды,

Вы проникнуты одним желаньем:

Чтобы совершенное деянье

Не прошло бесплодно и бесследно,

А смогло навеки возвеличить

Вашу чистую страну бессмертья!

Не напрасно мудрые монахи

Подвиг благочестья совершили:

За четыре милости великих

Отплатили добрыми делами,

А к тому ж своим святым примером

Помогли и многим низшим душам

Трех дорог губительных избежать,

Что ведут к воротам преисподней.

Пусть же все, кто слышал или видел

То, что здесь рассказано подробно,

Дух и сердце приведут в движенье
И поймут, в чем суть прозренья «боди»,
Отрекутся от греховной плоти
И сольются просветленным духом
С чистым миром высшего блаженства!
Славьтесь же отныне и вовеки
Будды всех миров неисчислимых,
Будды десяти сторон вселенной,
Все великомудрые, благие,
Славьтесь все святые бодисатвы —
Моксы Маха панджа парамита!

Этими стихами заканчиваются «Записки о путешествии на Запад».

<http://tl.rulate.ru/book/14623/290921>